

DOI 10.15826/qr.2023.3.832

УДК 94(47+57)"18" + 343.17(571.1) + 351.744(571.1) + 343.9.01(571.1)

**Судебные следователи Сибири:
«переходная» юстиция конца XIX века***

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**Judicial Investigators of Siberia:
“Transitional” Justice of the Late 19th Century****

Evgenii Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

One of the means of improving Russian justice in the era of Alexander II was the introduction of judicial investigators. Belatedly, in 1885, they were introduced into the pre-reform Siberian justice system and until 1897, were intended to investigate crimes together with police officials, which was a kind of transitional step towards the subsequent improvement of the court. The use of micro-historic detailing, as well as legislative acts, reports, materials of personal origin, statistics, periodicals, and archival documentation make it possible to comprehensively examine the activities of specialist investigators in Siberia on the eve of the Judicial Statutes of 1864 applied to the region, thereby significantly supplementing the ideas about the patterns of transformations of justice in the late Russian Empire, conditions of functioning of state bodies on the Siberian outskirts and their critical condition. The reform of 1885 was inconsistent, and as a result, the investigative part did not have sufficient resources or the ability to fight crime effectively. The content and staff of judicial investigators turned out to be insignificant; many were young and had no professional experience. Also, they fell into a hostile bureaucratic environment,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23–18–00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемого на базе Тюменского государственного университета.

** Citation: Krestyannikov, E. (2023). Judicial Investigators of Siberia: “Transitional” Justice of the Late 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 3. P. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832.

Цитирование: Krestyannikov E. Judicial Investigators of Siberia: “Transitional” Justice of the Late 19th Century // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 3. P. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832 / Крестьянников Е. Судебные следователи Сибири: «переходная» юстиция конца XIX века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 3. С. 1027–1040. DOI 10.15826/qr.2023.3.832.

managed extensive areas and were guided by outdated rules of procedure, but at the same time, they demonstrated official superiority in investigations over different ranks of the police. The latter ones were quite often ignorant and did not try to perform their secondary investigative duties. The activities of police officials were characterised by slowness and lack of professionalism, which worsened the performance of the entire Siberian investigative apparatus. Audits revealed systemic disorders and caused its arsenal to be regarded as unsuitable for defeating crime, and in government circles, the idea of the need for a new judicial transformation in Siberia prevailed. Having become a part of archaic justice in 1885–1897, the institution of judicial investigators confirmed the impossibility of the continued existence of “transitional” justice and called for the need to apply Judicial Statutes in full.

Keywords: Russian Empire in the late 19th century, justice reform, judicial investigators, police, crime, Siberia

Одним из средств улучшения российского правосудия в эпоху Александра II стало введение института судебных следователей. С запозданием в 1885 г. они вживлялись в дореформенную сибирскую юстицию и до 1897 г. предназначались для расследования преступлений вместе с чиновниками полиции, что было своеобразным переходным к последующему совершенствованию суда шагом. Применение микроисторической детализации, а также использование законодательных актов, отчетов, материалов личного происхождения, статистики, периодической печати и архивной документации позволяют всесторонне рассмотреть деятельность следователей-специалистов в Сибири накануне распространения на край Судебных уставов 1864 г., тем самым существенно дополнить представления о закономерностях трансформаций правосудия в поздней Российской империи, об условиях функционирования государственных органов на сибирской окраине и их критических состояниях. В статье показано, что реформирование 1885 г. являлось непоследовательным, и следственная часть в результате не обладала достаточными ресурсами и способностью эффективно бороться с преступностью. Содержание и штат судебных следователей оказались незначительными, многие из них приезжали молодыми людьми без багажа профессионального опыта. Они попадали во враждебную бюрократическую среду, заведовали чрезмерно обширными участками и руководствовались устаревшими правилами судопроизводства, но при том демонстрировали служебное превосходство в расследованиях над чинами полиции. Последние отличались невежеством и не старались качественно выполнять второстепенные для себя следовательские обязанности. Волокита и непрофессионализм, в первую очередь относившиеся к деятельности полицейских чиновников, ухудшали показатели работы всего сибирского следственного аппарата. Ревизии вскрывали системные беспорядки и заставляли признавать его арсенал непригодным для победы над криминалом, а в правительственных кругах побеждала мысль о нужности нового судебного преобразования в Сибири. Став в 1885–1897 гг. частью арха-

ичной юстиции, институт судебных следователей подтвердил невозможность дальнейшего существования «переходного» правосудия и указал на необходимость применения Судебных уставов в полном объеме.

Ключевые слова: Российская империя в конце XIX в., реформа юстиции, судебные следователи, полиция, преступность, Сибирь

Преобразование правосудия на основе Судебных уставов 20 ноября 1864 г. сделало суд независимым. Это подразумевало, что прежние административные и правоохранительные органы не гарантировали россиянам безопасности от возможного государственного произвола и посягательств злоумышленников. Впредь уголовное судопроизводство благодаря самостоятельности судей, началам состязательности, устности и гласности процесса получило шанс соответствовать характеристикам, которыми сопровождал реформирование Александр II, заявлявший о «водворении в России суда скорого, правого, милостивого и равного для всех подданных» [ПСЗ-2, т. 39, № 41473].

Опередившим принятие этого кодекса и символичным с точки зрения перспективы оформления в стране судейской автономии являлось внедрение еще в дореформенную систему законом 8 июня 1860 г. института судебных следователей. Этот эксперимент был порожден стремлением одновременно отделить суд от администрации и отстранить от вмешательства в дела юстиции полицейских чиновников, обремененных расследованием правонарушений сверх своих прямых функций по управлению и обеспечению благочиния. Первоначально следователи-специалисты распространялись только на 44 губернии Европейской России, где в руках полиции пока сохранилось «исследование по преступлениям и проступкам маловажным» [Бразоль, с. 67–68; ПСЗ-2, т. 35, № 35890], но затем уже Судебные уставы вовсе изъяли предварительное разбирательство уголовных дел из обязанностей полицейских сотрудников.

Сибири ожидать подобных преобразований пришлось более 20 лет. Тем временем наравне с остальной дореформенной Россией досудебными следствиями там занимались полицейские служащие, для которых это направление деятельности являлось второстепенным. В подавляющем большинстве невежественные и безнравственные, они часто покровительствовали правонарушителям и сами имели преступные наклонности, а проводившиеся ими расследования отличались волокитой, запутанностью и пристрастием, лишавшими население всяких иллюзий относительно правосудия [Крестьянников, 2013, с. 84–88; Ledonne].

В 1883 г. Государственный совет принял на рассмотрение проект введения «временной и переходной» юстиции [РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 1–1 об., 46], который лег в основу закона 25 февраля 1885 г., действовавшего до распространения на Сибирь уставов Александра II в 1897 году [ПСЗ-3, т. 16, № 12932]. Изменение являлось незначитель-

ным, заслужив со стороны сибирских чиновников и нарождавшейся юридической интеллигенции прозвание «полумеры» и «полуреформы» [Адоньева, с. 97–134; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 5]. Хотя в уголовном процессе применялись начала состязательности и устности, они реализовывались очень непоследовательно. В частности, в судебных заседаниях по важным делам было обязательным прокурорское обвинение, но защитник подсудимому мог не назначаться, а если таковой имелся (нередко мелкий канцелярист того же суда), то ему предоставлялась возможность лишь произнести «объяснения» [ПСЗ-2, т. 5, № 2770]. Как бессмысленно это происходило на практике, описывал будущий премьер-министр антибольшевистских правительств периода Гражданской войны П. В. Вологодский, в 1887 г. начинавший карьеру сибирского судебного чиновника [Крестьянников, 2017, с. 113]. Прокурор всегда выступал с короткой стереотипной речью: «Господа судьи! Из данных следственного производства вы видели, что обвиняемый вполне изобличается в возводимом на него преступлении, а потому я поддерживаю обвинение». По установившемуся шаблону защитник только отвечал, что «ничего не имеет возразить», чем «прения» сторон обычно и заканчивались [Вологодский, с. 10].

При таком процессе огромную роль играли материалы досудебного следствия, ведь на их основании в ситуации ущербной состязательности в судебных заседаниях преимущественно и выносился приговор. И закон укреплял учреждением судебных следователей следственный аппарат, вполне определенно указывая на назначение «переходного» режима. Один из корреспондентов томской «Сибирской газеты», узнав в 1883 г. о задумках столичных чиновников, писал, что «правительство озабочено вопросом, как бы получше обставить уголовное возмездие» [Сибирская газета]. Однако правила 25 февраля не сумели создать условий для успешного выполнения этой миссии.

Реформа 1885 г. замышлялась максимально дешевой для казны, что в результате негативно сказалось на материальном обеспечении служащих и их штате. Министерство финансов наотрез отказалось довести размер жалования судейских чинов Сибири до уровня оплаты труда таких же чиновников в регионах, где действовали Судебные уставы [Крестьянников, 2018, с. 24–25], и в разряд уязвленных незначительностью денежного содержания сибирская пресса обычно включала местных судебных следователей [Сибирский вестник, 1885, 16 мая; Там же, 1892, 13 нояб.]. На территории от Урала до Тихого океана предусматривалось 40 должностей следователей-специалистов, то есть крайне мало. Еще в период подготовки преобразования названное число оценивалось Министерством юстиции как «самое ограниченное» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 48 об.], а руководители сибирских административных и судебных учреждений сразу после реформирования единодушно признавали количество судебных следователей «совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» [Там же. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 10]. Законы 19 апреля и 9 июня

1888 г. произвели кадровое усиление на шесть должностей [ПСЗ-3, т. 8, № 5155, 5309], и в составе 46 чиновников специализированный следственный институт Сибири действовал вплоть до 1892 г. (на тот момент в остальной России имелся 1641 следственный участок) [Сборник статистических сведений, с. 7, 9, 11, 13].

Перестройка следствия в 1885 г. обострила вопрос о его зависимости от протяженности края. Специфика расследования преступлений подразумевала постоянное перемещение в пространстве к местам совершения преступлений и проведение там следственных операций. Раньше это делали чиновники не из судебной системы и вряд ли склонные усердствовать в побочной для них деятельности. Судебным же следователям, специально занимавшимся следствиями и подчиненным общим задачам правосудия, сформулированным в 1864 г., пространственная близость к населению для ускорения и повышения качества работы была чрезвычайно важна.

Дефицит следовательского штата, однако, приводил к тому, что подведомственные территории оказывались слишком обширными. Так, участок судебного следователя В. Баралевского охватывал сразу Сахалин и Приморскую область, простиравшуюся на тысячи верст от Анадыря на севере до озера Ханка на юге, и он утверждал: будь в том громадном крае пять следователей-специалистов, им все равно не удалось бы справиться с должностными обязанностями [Баралевский, с. 69–70]. Но и в более населенных местностях просторы следственных участков были чересчур велики. К примеру, площадь бийского участка на юге Томской губернии составляла 164851 квадратную версту, а расстояния поездок до его границ достигали 800 верст. Летом 1892 г. ревизия судебных установлений Западной Сибири под руководством обер-прокурора Сената П. М. Бутовского признала условия данного участка исключавшими вероятность продуктивной работы. В восточном направлении следователь из Бийска ездил относительно комфортным «экипажным путем» не более 200 верст, затем передвигался верхом, а местами – на «волокуше» (соединенных перекладиной двух деревьев, к которым припрягалась лошадь). Но зачастую продолжительные и изнурительные служебные командировки заканчивались безрезультатно. Территория населялась инородцами-кочевниками, которых далеко не всегда удавалось застать на месте, постоянно по разным причинам не прибывали свидетели, встречались затруднения с наймом толковых переводчиков [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 31 об.].

Малочисленность следователей и географические обстоятельства не позволили избавиться от содействия полицейских органов, и это соседство представителей юстиции и полиции в следственном аппарате главным образом определяло специфику организации всей «переходной» системы правосудия в Сибири. Не удалось даже реализовать идею реформы 1885 г. о возложении на новых служащих расследования наиболее тяжких правонарушений и превращении их в «следова-

телей по особо важным делам» [Газенвинкель, с. 2]. Из-за скромного штата их камеры до 1892 г. располагались исключительно в городских центрах [Теллертов, с. 25], тогда как и в городах, и в сельской местности, то есть в целом намного ближе к очагам криминала, проживали полицейские чиновники. Потому на практике последние нередко рассматривали важные дела, тогда как следователи-специалисты вели незначительные. Например, в Тобольской губернии на 1 сентября 1887 г. 25 % от всего количества решаемых судебными следователями производств подлежало разбирательству в окружных судах (округ в Сибири того времени – аналог уезда), составлявших низшее звено системы правосудия, а чины полиции от всего количества дел, имевшихся у них на руках, проводили 17 % следствий, подсудных губернскому суду – второй судебной инстанции [ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 52. Л. 98].

В восточносибирских районах производства тоже перемешивались независимо от их серьезности. Знаток правосудия Забайкальской области П. Бадиков указывал:

По всем делам о преступлениях и проступках судебное следствие производят полицейские заседатели и судебные следователи, причем нет никакого разграничения между ними дел по важности преступлений. Поэтому, например, в одном и том же месте одновременно судебный следователь производит следствие по делу [о] нанесении оскорбления словом купцом его приказчику, а полицейский заседатель – по делу об убийстве с целью ограбления [Бадиков, с. 16].

Организация и функционирование сибирской следственной части по всем позициям продемонстрировали превосходство судебных следователей над полицейскими чиновниками, в результате указав на кризисные явления в сфере юстиции и поставив вопрос о необходимости окончательного отказа от архаичных институтов и правил «переходного» режима. Служба в полиции была доступна неискушенным знаниями и малопригодным к следственной деятельности лицам. Генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев в отчете за 1885–1886 гг. докладывал, что из 30 земских заседателей Иркутской и Енисейской губерний двое окончили курс военных училищ, трое – духовных семинарий, 11 – уездных училищ, а остальные 14 ничему и никогда не обучались [Высочайше учрежденная комиссия, с. 112–113]. По свидетельству П. Бадикова, к концу 1880-х гг. все имевшиеся в Забайкальской области 16 полицейских следователей «никакого образования не получили», «многие из них писали удивительно безграмотно» [Бадиков, с. 17]. На момент ревизии П. М. Бутовского в Тобольской губернии числилось 54 чиновника полиции, о которых ревизор писал, что они «ни по своему образованию, ни по своим нравственным качествам не представляли никаких гарантий успешного и добросовестного ведения возложенного на них дела». Среди проверяемых не обнаружилось ни одного с юридическим образова-

нием, только немногие являлись выпускниками гимназий или семинарий, а остальные обучились в прогимназиях, уездных училищах, землемерных училищах или обладали так называемым «домашним воспитанием» [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 13 об.].

Уровень подготовки судебных следователей был несоизмеримо выше. К концу 1887 г. в двух западносибирских Тобольской и Томской губерниях из 20 судебных следователей (ровно половина их сибирского состава) 15 окончили университеты или Демидовский юридический лицей, что являлось выдающимся для здешней юстиции показателем. Для сравнения: в коллегиальных окружных судах того же региона трудилось 52 окружных судьи и судебных заседателя, но только 17 чиновников обладали дипломами высших учебных заведений (в Барнаульском, Бийском, Березовском, Ишимском, Курганском, Туринском окружных судах такие вообще отсутствовали) [Список чинам, с. 35–39, 41–44]. К 1897 г. в Тобольской губернии, где после ревизии П. М. Бутовского последовало резкое увеличение числа следователей (по закону 1 ноября 1893 г. сразу на десять должностей [ПСЗ-3, т. 13, № 10006]), они представляли собой группу блестяще образованных служащих: 24 таких чина из 26 имели высшее образование [ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 16. Л. 7–8].

Правда, уровень подготовки судебных следователей в восточных районах Сибири, видимо, был не так хорош. П. Бадиков рассказывал, что в Забайкальской области только один из пятерых следователей имел высшее образование, но среди остальных он также указал на одного, который отличался малограмотностью и плохим знанием русского языка [Бадиков, с. 17]. Неравномерность в распределении по сибирской территории квалифицированных кадров объясняется, с одной стороны, разницей в местных условиях, делавших некоторые районы менее привлекательными для жизни и работы, с другой, невозможностью сразу и повсеместно наполнить новые учреждения высококлассными сотрудниками из-за нехватки таковых. В середине 1860-х гг. после преобразования следственного аппарата в Европейской России наблюдалась похожая картина, когда качество состава специалистов-следователей в разных ее частях было неодинаковым. К примеру, все судебные следователи Бессарабской области имели высшее или неоконченное высшее юридическое образование, в Ярославской губернии 19 из 20 следователей являлись дипломированными юристами, в Херсонской губернии – 17 из 20, а тогда же в Уфимской, Смоленской, Оренбургской и Архангельской губерниях доля юристов с дипломами высших учебных заведений на следовательских должностях варьировалась в диапазоне от 21 до 28 % [История следствия в России, с. 96–97].

Сибирь могла рассчитывать исключительно на приезжих юристов, но по своим условиям и материальным выгодам службы не притягивала опытных судебных деятелей. Среди следователей замечалось много молодежи: на конец 1887 г. из 20 западносибирских следователей как минимум 12 были выпускниками не более чем двухгодичной давности.

сти, причем шестеро оказались на своих постах сразу с университетской скамьи [Список чинам, с. 38–39, 43–44]. Через пять лет ревизия П. М. Бутовского, внимательно обследовав деятельность чиновников в 14 следственных участках Тобольской и Томской губерний, выявила десять молодых людей со свежими дипломами о высшем образовании [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 21–24 об.].

Впрочем, для успешного выполнения следственных обязанностей было недостаточно квалификации, профессионализма и опыта, а требовались еще определенные нравственные и общечеловеческие качества; одна лишь принадлежность к разряду следователей-специалистов не являлась гарантией участливого, правильного и беспристрастного разрешения дел. В 1891 г. иркутские прокуратура и губернский суд признали не соответствующим должности некоего Серебренникова. Этому судебному следователю, в целом обладавшему необходимыми для выполнения обязанностей знаниями, в работе слишком препятствовали увлечение спиртными напитками и несносное поведение. Обыкновенно он допросы производил в пьяном виде, демонстрируя подследственным и свидетелям пренебрежение, или, как фиксировалось в материалах проверки, «громадное самомнение и заносчивость сангвиника» [ГАИО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–3 об., 12, 15]. В Тобольской губернии сразу после окончания Варшавского университета судебным следователем в 1887–1890 гг. трудился С. Л. Вилькошевский, который был уволен за «крайнее нерадение и медленность», а также за действия, имевшие признаки преступления. Чиновник составлял подложные следственные акты и вел «большую игру в карты», выигрывая значительные суммы у находившихся у него под следствием лиц. Особенной аморальностью отличались его манипуляции по отношению к одному волостному писарю: крестьянин месяцами содержался под стражей без законного повода, пока молодой следователь развивал роман с его женой [ГА в г. Тобольске. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 30–31].

Перечисленные случаи являлись исключением. Зато системный характер носили недостатки «переходного» режима, которые в первую очередь уязвляли начинающих юристов. Даже приобретенные ими в университетах знания на службе сибирским судебным следователем оказывались отчасти бесполезными. Дело в том, что в Сибири по-прежнему господствовало архаичное формальное следствие, основы которого, по свидетельству председателя Иркутского губернского суда А. А. Клопова, уже «не входили в круг преподавания юридических наук» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 89 об.]. Разумеется, старожилам в профессии, перебравшимся в край, также приходилось осваивать отжившие свой век правила. «Судебные следователи, получающие эти должности после службы в судебных учреждениях Европейской России, только по приезде в Сибирь узнают о существовании 2 части XV и 2 части X тома Свода законов», – констатировал товарищ председателя Тобольского губернского суда Н. П. Геллертов [Геллертов, с. 34].

Формальные расследования предполагалось проводить по каждому делу, соблюдая независимо от его особенностей алгоритм установленных законом следственных операций. Они были зачастую мелочными и ненужными, приводили к бумажной волоките, сильно замедляя работу следственного аппарата и являясь чуть ли не главным бичом сибирского правосудия. В 1894 г. тобольский губернатор Н. М. Богданович, заботясь прежде всего об излишнем обременении чиновников полиции, отзывался о состоянии «переходной» юстиции и такой практике следующим образом:

Старые коллегиальные окружные суды и формальное следствие по каждому незначительному делу настолько усложняют ход правосудия во вред его быстроте, что медленность и сложность эта зачастую граничит с отсутствием суда. Население обращается часто даже к волостному суду предпочтительно пред общими судебными местами, и такое положение, нежелательное в интересах тяжущихся, не менее тяжело отзывается на низших полицейских чинах администрации, все время коих уходит на производство формальных следствий по мелким уголовным делам в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния [ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 67 об.].

Вероятно, квалификации и благоразумия большинству судебных следователей хватало, чтобы, вынужденно используя несовершенные правила, в основном справляться с расследованиями. Помощники по ревизии П. М. Бутовского (прокурор Люблинского окружного суда Н. П. Ераков и товарищ прокурора Санкт-Петербургского окружного суда С. Г. Коваленский [ГАТО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 392. Л. 41]), на ранних стадиях своих карьер имевшие опыт следовательской работы [ГАИО. Ф. 245. Оп. 5. Д. 127. Л. 14 об. –15; Д. 180. Л. 14 об. –16], со знанием дела оценили положительно производства 11 из 14 проверенных западносибирских судебных следователей, а некоторых из них охарактеризовали как трудолюбивых, энергичных и толковых. Высказав нарекания в адрес служебной деятельности лишь троих работников и отметив за ними применение слабых мер пресечения, нерадивость и медлительность, ревизоры, однако, не обнаружили следствий, которые бы проводились совсем уж непрофессионально [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 21–24 об., 31–33].

Но дилетантизм постоянно демонстрировали полицейские чины. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин в отчете за 1889–1892 гг. отмечал, что большинство поступавших от них в судебные учреждения дел «заключало в себе весьма ненадежные материалы» [Высочайше учрежденная комиссия, с. 117]. Своими расследованиями служащие полиции буквально выставляли себя на посмешище. После ревизии П. М. Бутовский, развлекая публику столичных салонов байками о безобразиях в сибирской юстиции, кроме прочего, вызывал у слушателей веселое настроение рассказом про дело «о лае

собак на его превосходительство томского губернатора» [Три последних самодержца, с. 171]. Как-то на улице Томска маленький песик облаял начальника губернии, и последний не упустил случая сказать находившемуся подле помощнику пристава, что желательно принимать меры против бродячих собак. Воспылав служебным рвением, правоохранитель попытался поймать злокозненное животное, а затем, вернувшись в участок, составил протокол о происшествии и завел формальное следствие. Это производство, по которому не было ни пострадавшего, ни преступника, видимо, обнаружил и прекратил местный прокурор. В 1892 г. П. М. Бутовский, прознав о таком удивительном «уголовном» деле, попросил достать его из архива и ознакомился с ним, позже упомянув его в отчете как один из выдающихся образчиков безграничной глупости контингента полиции [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 26; Ла-н, с. 109–111].

Служащие дореформенных сибирских судов по уровню невежества и недобросовестности недалеко ушли от полицейских чинов. П. В. Вологодский на склоне лет припоминал: «Что касается советников губернского суда и заседателей окружных судов, то там были прямо-таки раритеты, чисто гоголевские типы» [ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 7]. Вероятно, судебные следователи края оказались в положении первых наборов российских следователей-специалистов 1860-х гг., когда те вошли инородным телом в организм архаичной юстиции. Согласно Б. Л. Бразолью, новое следственное учреждение тогда «врезывалось клином в отживавший, но все еще живой строй дореформенной юстиции, вызывая недоумение, а иногда недоверие у судей, стряпчих и заседателей старого типа». Судебных следователей окружало неблагодарное и в лучшем случае безразличное отношение, им рассылались «бездушные указы и придиричivé предписания», не всегда соответствовавшие законам, их деятельность встречала на каждом шагу противодействие, а при столкновениях с полицейскими чиновниками вышестоящие власти привычно становились на сторону последних [Бразоль, с. 68–71].

С враждебным отношением судебные следователи теперь сталкивались и в Сибири. П. Бадиков писал: «В Забайкалье лица судебного ведомства не в должном почете у полиции; при следствиях является антагонизм между заседателем и следователем и подставление ноги со стороны первого второму» [Бадиков, с. 24]. В свою очередь, погружавшиеся в окраинную среду приезжие специалисты не испытывали симпатий к дореформенной системе и ее чиновникам. Н. Ф. Борисовский, имевший опыт работы сибирским судебным следователем во второй половине 1880-х гг. и по местному обыкновению называвший служащего полиции «баринoм», вспоминал:

Население Сибири, особенно Восточной, разделялось на две касты: обираемую и грабящую. Первая – темный безграмотный деревенский мужик; вторая уже составляет класс «барский»: губернское начальство,

чиновники, исправники, заседатели (становой пристав, мировой посредник, следователь; словом, все, что, совмещалось в лице «барина» – заседателя), волостные старшины (головы), волостные писаря, купцы, «складчики» – владельцы винных складов и кабаков, «акцизники» и даже почтмейстеры, – все это живо, дружно обогащалось за счет мужика. И все было «шито-крыто». Крепостное право в своем роде существовало на деле до наших дней [Борисовский, с. 538–539].

Очевидно, что в следственном аппарате произошло столкновение двух нетерпимых друг к другу миров, но пока один (судебных следователей) во время «переходной» юстиции растворялся в другом (полицейских чиновников), данное сочетание не приносило пользы в борьбе с криминалом. Окончательное понимание несостоятельности временной модели двуединой следственной части пришло по итогам серии проверок деятельности сибирского суда в 1892–1894 гг. начиная с ревизии П. М. Бутовского на западе территории, кончая ревизией сотрудника Министерства юстиции М. П. Домерщикова на востоке, в областях Приамурского края [Временные правила, с. I–II]. Особенно неудовлетворительно и с тенденцией ухудшения показателей функционировали следственные органы Тобольской губернии, где расследования проводились чрезвычайно некачественно и долго. В провинции летом 1892 г. волокита достигала невероятных размеров: если на конец 1886 г. фиксировалось 6465 неоконченных следствий [ГА в г. Тобольске. Ф. 377. Оп. 1. Д. 52. Л. 97], то сейчас их обнаружилось приблизительно 18 тыс., из которых на руках судебных следователей находилось примерно 1 400 (108 на одного следователя), чиновников полиции – 16 600 (307) [Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 8]. По статистике Европейской России, в 1892 г. каждый судебный следователь произвел в среднем 118 расследований [Тарновский, с. 3]; значит, чтобы решать в общероссийском темпе исключительно прошлые дела, не приступая к вновь возникшим, следователям-специалистам требовалось примерно 11 месяцев, полицейским чинам – более двух с половиной лет в режиме абсолютной, без исполнения остальных обязанностей занятости следовательской работой, что, разумеется, было невыносимо.

Положение представлялось катастрофическим и заслужило обсуждения в высших эшелонах власти. В Государственном совете признавалось, что «производство следствий велось в Тобольской губернии крайне медленно, нередко в течение многих лет», а «к расследованию самых тяжких преступлений часто приступали только тогда, когда следы преступления успели уже давно изгладиться, и изобличение виновных представлялось невозможным». Указывалось на «многочисленные упущения» по следственным делам, результатами чего назывались «отсутствие безопасности и спокойствия, безнаказанность преступников и постоянное возрастание числа преступлений» [Отчет, с. 418–419]. Заключение же П. М. Бутовского, лично знакомого с ситуацией, звучало как приговор: «Дальнейшее оставление след-

ственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, должно быть приравнено к отказу от правосудия» [ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 19].

Введение в 1885 г. института судебных следователей не привело к существенному упорядочению следственного аппарата Сибири и мало помогло в борьбе с преступностью. Дореформенная система отторгала новые институты, что показал эксперимент с «переходным» режимом, указавший путь дальнейшего преобразования не только сибирского, но и всего российского суда. Впредь Министерство юстиции, внимательно изучив этот неудачный опыт, отказалось от практики комбинирования разных версий правосудия и выбрало в качестве приоритетного повсеместное распространение Судебных уставов Александра II в полном объеме.

Библиографические ссылки

Адоньева И. Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 224 с.

Бадиков П. Отправление правосудия в Забайкальской области // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 10. С. 1–27.

Баралевский В. Устройство судебной части на острове Сахалин // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1895. № 9. С. 68–74.

Борисовский Н. Ф. В дореформенной Сибири: (Из дневника местного старожила) // Ист. вестн. 1899. № 2. С. 538–563.

Бразоль Б. Л. Следственная часть // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг.: Сенат. тип., 1914. Т. 2. С. 65–114.

Вологодский П. В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 1–13.

Временные правила о применении Судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / сост. М. П. Домерщиков. СПб.: Изд. Юридич. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1897. II, IV, 82 с.

Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы: в 12 т. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1895. Т. 10. 122 с.

Газенвинкель К. Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. Тобольск: Тобольская губ. тип., 1889. 45 с.

ГАИО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 20; Ф. 245. Оп. 5. Д. 127, 180.

ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299.

ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875; Ф. 158. Оп. 2. Д. 16, 31; Ф. 377. Оп. 1. Д. 21, 52; Ф. 479. Оп. 5. Д. 1.

ГАТО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 392.

Геллертов Н. П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 25–34.

История следствия в России / под общ. ред. Д. О. Серова, А. В. Федорова. М.: Юрлитинформ, 2017. 280 с.

Крестьянников Е. А. Полиция и полицейское следствие в Западной Сибири (1822–1897 гг.) // Рос. история. 2013. № 3. С. 84–99.

Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 416. С. 113–118. DOI 10.17223/15617793/416/17.

Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.

Ла-н М. А. Курьезы сибирской старины : (Из архивных дел и рассказов старожилов) // Сибирский наблюдатель. 1902. № 12. С. 98–111.

Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. : в 2 т. СПб. : Гос. тип., 1894. Т. 2. 905 с.

ПСЗ. Собр. 2. Т. 35, 39. Собр. 3. Т. 5, 8, 13, 16.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а; Оп. 87. Д. 9921^с, 10393.

Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 7. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1893. 147 с.

Сибирская газета. 1883. 30 окт.

Сибирский вестник. 1885. 16 мая; 1892. 13 нояб.

Список чинам ведомства Министерства юстиции : в 4 ч. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1888. Ч. 4. 72 с.

Тарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.). СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899. 408 с.

Три последних самодержца : Дневник А. В. Богданович. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. 504 с.

Ledonne J. P. Criminal Investigations before the Great Reforms // Russian History. 1974. Vol. 1, № 2. P. 101–118.

References

Adon'eva, I. G. (2010). *“Velikaya polureforma”: preobrazovaniya sudebnoi vlasti Zapadnoi Sibiri v otsenkakh mestnoi yuridicheskoi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX v.)* [“The Great Semi-Reform”: Transformation of the Judicial Power of Western Siberia According to the Assessments of the Local Legal Intelligentsia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 224 p.

Badikov, P. (1890). *Отправление правосудия в Забайкальской области* [Administration of Justice in Trans-Baikal Region]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. No. 10, pp. 1–27.

Baralevskii, V. (1895). *Устройство судебной части на острове Сахалин* [Arrangement of the Judicial Unit on Sakhalin Island]. In *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. No. 9, pp. 68–74.

Borisovskii, N. F. (1899). *В дореформенной Сибири. (Из дневника местного старожилы)* [In Pre-Reform Siberia. (From the Diary of a Local Old-Timer)]. In *Istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 538–563.

Brazol, B. L. (1914). *Следственная часть* [Investigative Part]. In *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let v 2 t.* Petrograd, Senatskaya tipografiya. Vol. 2, pp. 65–114.

Domershchikov, M. P. (Ed.). (1897). *Vremennye pravila o primenenii Sudebnykh ustavov v guberniyakh i oblastiakh Sibiri, s zakonodatel'nymi motivami i raz'yasneniyami* [Temporary Rules on the Application of the Judicial Charters in the Provinces and Regions of Siberia, with Legislative Motives and Clarifications]. St Petersburg, Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova. II, IV 82 p.

GA v Tobol'ske [State Archive of Tobolsk]. Stock 152. List 37. Dos. 875; Stock 158. List 2. Dos. 16, 31; Stock 377. List 1. Dos. 21, 52; Stock 479. List 5. Dos. 1.

GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 239. List 1. Dos. 20; Stock 245. List 5. Dos. 127, 180.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-5881. List 2. Dos. 299.

GATO [State Archive of Tyumen Region]. Stock 40. List 2. Dos. 392.

Gazenvinkel', K. B. (1889). *Ob usloviyakh proizvodstva formal'nykh sledstviy po zakonu 25 fevralya 1885 g.* [On the Conditions for the Production of Formal Investigations under the Law as of February 25, 1885]. Tobolsk, Tobol'skaya gubernskaya tipografiya. 45 p.

Gellertov, N. P. (1893). Usilenie sledstvennoi chasti v Tobol'skoi gubernii [Strengthening the Investigative Unit in Tobolsk Province]. In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. No. 7, pp. 25–34.

Krestyannikov, E. A. (2013). Politsiya i politseiskoe sledstvie v Zapadnoi Sibiri (1822–1897 gg.) [Police Investigation in Western Siberia, 1822–1897]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 84–99.

Krestyannikov, E. A. (2017). P. V. Vologodskii na puti k advokature: okruzhenie, interesy i deyatel'nost' yurista na nachal'nom etape professional'noi kar'ery [P. V. Vologodsky on the Way to Attorneyship: The Environment, Interests, and Activities of the Lawyer at the Initial Stage of His Professional Career]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 416, pp. 113–118. DOI 10.17223/15617793/416/17.

Krestyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.

La-n, M. A. (1902). Kur'ezy sibirskoi stariny. (Iz arkhivnykh del i rasskazov starozhilov) [Curiosities of Siberian Antiquity. (From Archival Files and Stories of Old-Timers)]. In *Sibirskii nablyudatel'*. No. 12, pp. 98–111.

Ledonne, J. P. (1974). Criminal Investigations before the Great Reforms. In *Russian History*. Vol. 1. No. 2, pp. 101–118.

Ochet po deloproizvodstvu Gosudarstvennogo soveta za sessiyu 1893–1894 gg. v 2 t. [Report on the Office of State Council for the Session of 1893–1894]. (1894). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 2. 905 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 35, 39. Collection 3. Vol. 5, 8, 13, 16.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1405. List 69. Dos. 7107^d; List 87. Dos. 9921^e, 10393.

Sbornik statisticheskikh svedenii Ministerstva yustitsii [Collection of Statistical Information of the Ministry of Justice]. (1893). Iss. 7. St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. 147 p.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (Eds.). (2017). *Istoriya sledstviya v Rossii* [History of Investigation in Russia]. Moscow, Yurлитinform. 280 p.

Sibirskaya gazeta [*Sibirskaya Gazeta*]. (1883). October 30.

Sibirskii vestnik [*Sibirskii Vestnik*]. (1885). May 16. (1892). November 13.

Spisok chinam vedomstva Ministerstva yustitsii v 4 ch. [List of Ranks of Departments of the Ministry of Justice. 4 Parts]. (1888). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. Part 4. 72 p.

Tarnovskii, E. N. (1899). *Itogi russkoi ugovolnoi statistiki za 20 let (1874–1894 gg.)* [Results of Russian Criminal Statistics over 20 Years (1874–1894)]. St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. 408 p.

Tri poslednikh samodержtsa. Dnevnik A. V. Bogdanovich [The Last Three Autocrats. A. V. Bogdanovich's Diary]. (1924). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo L. D. Frenkel'. 504 p.

Vologodskii, P. V. (1892). Iz istorii voprosa o sudebnoi reforme v Sibiri [From the History of Judicial Reform in Siberia]. In *Russkoe bogatstvo*. No. 12, pp. 1–13.

Vysochaishe uchrezhennaya komissiya dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoi chasti. Podgotovitel'nye materialy v 12 t. [Highly Established Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Side. Preparatory Materials. 12 Vols.]. (1895). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego senata. Vol. 10. 122 p.

The article was submitted on 25.05.2023